УДК: 321.01:001.5(477.75) DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-3-244-257

ПОЗИЦИИ КЛЮЧЕВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ ПО «КРЫМСКОМУ ВОПРОСУ»

Гапизов З.Р.[1]

Аннотация. *Цель статьи* – рассмотрение позиций ключевых геополитических акторов – России, США, ЕС, Китая, а также Турции и Украины – по проблеме Крымского полуострова после вхождения последнего в состав Российской Федерации в 2014 году. Исследование строится на основе геополитического подхода. Автор исходит из того, что Крым является стратегически важным регионом для обеспечения национальной безопасности России и залогом стабильности в Азово-Черноморском регионе и примыкающем сегменте Средиземноморского региона. Автором показано, что уровень и характер вовлеченности каждого из акторов в региональные процессы вокруг Крыма варьируются, равно как и степень прямого или опосредованного участия в геополитическом конфликте по вопросу принадлежности полуострова и военно-морских баз. Исходя из этого, формируется позиция каждого из участников геополитических отношений. Результаты анализа позиций акторов и в целом мирового сообщества по «крымскому вопросу» продемонстрировали, что проблема Крыма не рассматривается адекватно той ситуации, которая в реальности имела место накануне и во время процесса вхождения полуострова в состав России, не учитываются условия и ключевые факторы, стимулирующие население Крыма высказаться за возвращение в состав Российского государства. Исследование подтвердило принципиальное значение Крыма и Севастополя для России в контексте её жизненно важных интересов и необходимость обеспечения национальной безопасности. Возвращение Крыма, с точки зрения практической геополитики, означает восстановление сферы геополитического влияния России в Азово-Черноморском регионе с выходом на всё Средиземноморье и, соответственно, ограничение сфер влияния её геополитических оппонентов.

Ключевые слова: Крым, геополитический конфликт, сфера геополитического влияния, Россия, Украина, НАТО, воссоединение Крыма с Россией.

Гапизов Заур Расулович — соискатель, кафедра истории стран ближнего зарубежья, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, адрес: 119192, Россия, г. Москва, Ломоносовский проспект, д.27, корп.4, e-mail: 9605051@mail.ru

POSITIONS OF KEY GEOPOLITICAL ACTORS ON THE "CRIMEAN ISSUE"

GAPIZOV Z. R. – Applicant of the Department of History of the Near Abroad Countries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation, Moscow), e-mail: 9605051@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to consider the positions of key geopolitical actors - Russia, the USA, the EU, China, as well as Turkey and Ukraine - on the problem of the Crimean peninsula after the latter became part of the Russian Federation in 2014. The study is based on a geopolitical approach. The author proceeds from the fact that Crimea is a strategically important region for ensuring Russia's national security and a guarantee of stability in the Azov-Black Sea region and the adjacent segment of the Mediterranean region. The author shows that the level and nature of the involvement of each of the actors in the regional processes around Crimea varies, as well as the degree of direct or indirect participation in the geopolitical conflict on the issue of the peninsula and naval bases. Based on this, the position of each of the participants in geopolitical relations is formed. The results of the analysis of the actors' positions and the world community as a whole on the "Crimean issue" demonstrated that the problem of Crimea is not adequately addressed by the situation that actually took place on the eve and during the process of the peninsula's entry into Russia, and the conditions and key factors, stimulating the population of Crimea speak out for returning to the Russian state, are not taken into account. The study confirmed the fundamental importance of Crimea and Sevastopol for Russia in the context of its vital interests and the need to ensure national security. The return of the Crimea, from the point of view of practical geopolitics, means the restoration of the sphere of geopolitical influence of Russia in the Azov-Black Sea region with access to the entire Mediterranean and, accordingly, the limitation of the spheres of influence of its geopolitical opponents.

Keywords: Crimea, geopolitical conflict, sphere of geopolitical influence, Russia, Ukraine, NATO, reunification of Crimea with Russia.

После роспуска СССР внимание геополитических акторов к Евразии многократно возросло. Наиболее пристально США, ЕС, Китай отслеживали ситуацию в Восточной Европе, на Кавказе и в Центральной Азии. Для России указанные регионы представляли и до сих пор представляют интерес с точки зрения национальной безопасности. Именно сквозь призму национальных интересов и национальной безопасности Россия всегда рассматривала Крымский полуостров.

Уязвимость России с южного направления всегда была предметом

озабоченности правящих кругов нашего государства, и весьма длительный период истории связывался с войнами с Османской Портой[1]. Чёрное море в силу своего геополитического расположения всегда воспринималось как потенциальный «коридор» для проникновения агрессора в «южное подбрюшье» России. Именно поэтому проблема Черноморских проливов ставилась во главу угла в рамках Восточного вопроса. В постсоветский период резко изменились характер и качество геополитических угроз с южного направления, появились и принципиально новые уязвимости, которые зачастую носили не только региональный, но и макрорегиональный характер. Появление новых вызовов и угроз сопровождалось и нарастающей конкуренцией мировых и региональных политических акторов в сфере геополитического влияния России. Конкурентная борьба велась не столько за ресурс, сколько за возможность контролировать геополитические точки и линии в регионе с целью упрочения своего положения в регионе и ограничения претензий своих оппонентов.

События конца 2013–2014 гг. на Украине обозначили процессы, связанные с принципиальным переформатированием этого ключевого для России региона. Страны Запада пытались резко изменить баланс сил в Восточной Европе в свою пользу демонстративно провокационным образом, чего Россия не могла допустить. Реакцией стало вхождение Крыма и Севастополя в состав России, мотивированное необходимостью обеспечения национальной безопасности РФ. Это, в свою очередь, спровоцировало весьма бурную реакцию глобальных и региональных геополитических игроков, обусловленную их геополитическими интересами. Цель статьи – дать оценку позиции ключевых геополитических акторов по «крымскому вопросу» на основе геополитического подхода и сравнительного анализа.

Геополитическое значение Крыма

Исходя из интересов обеспечения национальной безопасности и стабильности в Восточной Европе, Россия с момента обретения независимости бывшими советскими республиками большое внимание уделяла сохранению в своей геополитической орбите Украины (вместе с Крымским полуостровом). Геополитическое значение Украины для России большинством специалистов оценивалось вполне адекватно[2]. Утрата влияния во второй по численности населения (славянское с преобладающим православным компонентом), индустриальным и военно-политическим ресурсам республике бывшего Советского Союза осознавалась политическим классом как геополитическая катастрофа. Более того, российско-украинская граница имеет протяженность более 2200 км. Немаловажным фактором является и непосредственная близость территории Украины к российской столице и Поволжью – политическому и промышленному центрам России. На Западе также понимали, что утрату Украины Россия не сможет

[1] См.: Русско-турецкие войны 1676–1918 / Под общ. ред. А.Е. Тараса. – М., 2000.
[2] См.: Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. – М.: Эксмо, 2002. – С. 395–396.

компенсировать ни сближением с любым другим государством из числа потенциальных союзников, ни созданием Союзного государства России и Беларуси, ни «поддержкой сепаратистских режимов» в Грузии и в Молдове. Ещё в 1990-х годах один из ведущих американских политологов З. Бжезинский в своей знаковой работе «Великая шахматная доска» писал о том, что Россия не сможет стать великой евразийской державой, потеряв Украину[1]. Таким образом, американский и западноевропейский истеблишмент однозначно определял одну из ключевых геополитических задач в Центральной Евразии – вывод Украины из сферы геополитического влияния России.

Крайне болезненный период искусственного отторжения Украинского государства от постсоветского массива того, что многие столетия считалось Россией, завершился не просто сменой геополитического вектора официального Киева, но и полной потерей всех ключевых связей между Россией и Украиной. Две так называемые «цветные революции», государственный переворот, подписание Соглашения об ассоциации с ЕС в 2014 г., развязывание гражданской войны в юго-восточных регионах, провозглашение государственности в ЛНР и ДНР, возвращение Крыма в состав России… Список ключевых политических событий, ставших следствием выхода Украины из сферы геополитического контроля России, можно было бы продолжить. Одними из наиболее примечательных стали изменения в процессе политического урегулирования приднестровского конфликта, где Украина из страны-гаранта фактически превратилась в страну конфликта[2]. И за каждым из них стоит не просто смена геополитической реальности в каждом из сегментов большой геополитической картины Восточной Европы. За каждым из них судьбы и жизни конкретных людей, российских соотечественников, народов. Весьма популярно мнение в среде непосредственных наблюдателей за событиями в регионе, согласно которому Крым однозначно ожидала бы судьба Юго-Востока Украины, если бы вовремя не произошло контролируемое воссоединение полуострова с Россией.

Российское военное присутствие в Крыму

В контексте региональной геополитики интерес постсоветской России к Крымскому полуострову определялся его географическим положением, общим историческим прошлым и, конечно, необходимостью военно-морского присутствия на Чёрном море. Последнее обычно обозначается авторами в специализированной литературе как «проблема Черноморского флота». Немногим менее значимой

[1] Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 1998. – С. 114–115.

[2] См.: Харитонова Н.И. Специфика переговорного процесса по политическому урегулированию приднестровского конфликта в контексте украинского кризиса (2014–2018 гг.) // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – Т. 14. – № 2. – С. 85–99.

можно считать проблему территории и русскоязычного населения в Крыму[1]. Население Крыма весь период пребывания в составе постсоветской Украины тяготело к России, что нашло отражение в результатах местных социологических исследований.

Черноморский флот РФ дислоцируется на двух основных военно-морских базах – в Новороссийске и Севастополе. Однако основная инфраструктура флота располагается именно в Крыму. В период роспуска СССР России для сохранения военного присутствия на полуострове и функционирования базы необходимо было договариваться с новыми властями независимой Украины. Переговорный процесс оказался долгим и непростым.

Наконец в 1997 г. в рамках Договора о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве между РФ и Украиной (так называемый «Большой договор») были подписаны Соглашения, регулирующие пребывание российских военно-морских сил на территории Украины. Киев ратифицировал документ в том же 1997 г., а Москва – в 1998–1999 гг. Украине был нужен официальный документ, закрепляющий признание со стороны РФ её восточных границ, т.е. украинскую принадлежность Крыма. России же необходимо было сохранить свою военно-морскую базу в Севастополе. Таким образом, в «Большой договор» были также включены Соглашение о статусе и условиях пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины, Соглашение о параметрах раздела Черноморского флота и Соглашение о взаиморасчётах, связанных с разделом Черноморского флота и пребыванием Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины. Политическое руководство Украины не намеревалось продлевать эти договорённости[2]. Это было очевидно ещё в 2008 году, после «пятидневной войны» в Грузии (последняя позиционировалась как союзник Украины). Тогда, в августе 2008 года, в противостоянии с Тбилиси приняли участие и военно-морские силы РФ, располагавшиеся на территории независимой Украины[3]. Это стало одной из ключевых причин, почему Киев стремился к скорейшему сворачиванию российского военного присутствия на её территории. «Большой договор» прекратил своё действие в 2019 г. – Украина приняла закон о непродлении договора, официально пояснив, что закон является частью стратегии на окончательный разрыв с колониальным прошлым и переориентацию на Европу.

---

[1] Эйвазов Дж. Россия в Центральной Евразии: интересы безопасности и геополитическая активность // Кавказ и глобализация. – 2009. – Т.3. Вып. 1. – С. 15.

[2] Там же.

[3] Так, МИД Украины 10 августа 2008 г. распространило заявление о возможном запрете судам ВМС РФ, участвующим в военных действиях в Грузии, возвратиться на базу в Севастополе. А уже 13 августа Президент Украины В. Ющенко издал указы о новом порядке пересечения её государственной границы военнослужащими, кораблями, самолётами ЧФ России (в частности, устанавливались разрешительные процедуры пересечения российскими ВМС этой границы).

В свою очередь для Российской Федерации присутствие её ВМС в Крыму было связано не только с военно-стратегическим доминированием в Азово-Черноморском регионе и/или балансированием военно-морских сил Турецкой Республики, но и с необходимостью обеспечить интересы и безопасность русскоязычного населения Крыма. И в целом ирредентистские настроения на полуострове, подогреваемые недальновидной региональной политикой самого официального Киева, не могли не сказываться на российско-украинских отношениях. Интересы русскоязычного населения не могли не стать инструментом геополитического влияния Москвы на Киев, в том числе в вопросе нежелательного для России чрезмерного сближения Украины с США и ЕС. Наряду с этим Москва, используя привычный политический инструментарий и ситуацию гражданско-политического раскола внутри украинского общества, стремилась обеспечить присутствие у власти пророссийских политиков (по крайней мере последние позиционировали себя в диалоге с российской администрацией как лояльные и пророссийские силы) вроде В. Януковича.

Российский правящий класс отчётливо осознавал, что и Соглашение об ассоциации с ЕС (которое В. Янукович отказался подписать в ноябре 2013 г., что и стало формальным поводом к событиям на Майдане в Киеве и последующего вооружённого конфликта на юго-востоке Украины) выходит за рамки экономических отношений вопреки расхожему мнению. Об этом свидетельствует, в частности, опыт Молдовы, являющейся, согласно её собственной Конституции, нейтральным государством. Условиями Соглашения предусматривались интеграция Украины в общую политику безопасности и обороны Европейского союза и масса ограничений в реализации самостоятельной внешней политики (последствия ассоциации давно стали предметом анализа отечественных и зарубежных авторов, в целом оценивающих их негативно для постсоветских государств, вступающих в ассоциацию[1]). С учётом того, что ЕС стремительно трансформируется в контексте непростого германо-американского диалога, крайне сложно предсказать, с чем России придется соседствовать в среднесрочной перспективе. Ведь в зависимости от качества внешней политики Белого дома и весьма непростой внутренней ситуации внутри Европейского союза в итоге последний рискует либо окончательно стать управляемым из Вашингтона надгосударственным субъектом мировой политики, либо вполне ещё может стать самостоятельным геополитическим центром силы. Эта неопределённость вызывает понятное беспокойство в Москве,

[1] См.: Кукурудза И.И. Европейская экономическая интеграция Украины: необходимость и возможные последствия // Вестник экономической науки Украины. – 2015. – №2. – С. 43–46; Никифорова В.А. О некоторых последствиях подписания Соглашения об ассоциации с ЕС для металлургии Украины // Экономика промышленности. – 2013. – № 3 (63). – С.137–147; Харитонова Н.И. Возможные последствия подписания соглашения об ассоциации Республики Молдова с Европейским союзом // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – №43. – С. 39–54.

ведь и в том, и в другом случае Европейский союз как международная структура будет рассматривать свои геополитические интересы как противоречащие российским геополитическим интересам. Активно демонстрируемое ЕС в последнее десятилетие всё более расширяющееся экономическое и дипломатическое влияние на Восточную Европу (например, в рамках проекта «Восточное партнёрство», реализуемое ЕС с 2008 г.) является доказательством небезосновательности такого беспокойства. Кроме того, руководство РФ видит в Европейском союзе «троянского коня», используемого для расширения на Восток границ Североатлантического альянса. Не секрет, что в ещё недавнем прошлом членство в ЕС было неразрывным образом связано с членством в альянсе. Примером могут служить Латвия, Литва, Эстония, Румыния, Болгария, Хорватия[1].

Ещё одним ключевым моментом, определяющим необходимость военного присутствия России в Крыму, было то, что последнее являлось фактической преградой на пути возможного вступления Украины в Североатлантический альянс. Речь идёт о правиле, согласно которому не допускается военное присутствие третьей страны на территории государства, интегрирующегося в НАТО. Более того, российскому руководству были известны планы США и НАТО по превращению военно-морских баз в Крыму в базы Североатлантического альянса после вынужденного ухода России с полуострова в связи с непродлением Киевом соглашений по Черноморскому флоту в 2017 г. В результате Россия не просто потеряла бы всё Чёрное море и Средиземноморье в военно-стратегическом плане. Это бы создало беспрецедентные по характеру и интенсивности угрозы национальной безопасности Российской Федерации по целому ряду направлений. В качестве таких можно рассматривать расположение иностранных военных баз и значительных воинских контингентов на границе с Россией. Последнее однозначно приведёт к нарушению сложившегося баланса сил в приграничных зонах. В этом же ряду стоит проблема формирования и подготовки вооружённых формирований и групп на территории соседних стран в целях их переброски для действий внутри нашего государства. Об этом говорилось ещё в стратегических документах РФ редакций 2000 г.[2]

В экспертной среде иногда можно встретить оценку, согласно которой России было бы проще и дешевле (с учётом необходимости строительства инфраструктуры в Крыму, антироссийских санкций как реакции на возвращение Крыма и проч.) перенести военные базы из Севастополя в Новороссийск. Однако

[1] Гетц Э. «Это геополитика, дурачок!» Анализ политики России в отношении Украины // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2016. – Вып. 4. – Т.9. – С.8.

[2] См.: Указ Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24); Военная доктрина Российской Федерации (Указ Президента РФ № 706 от 21.04.2000 г.). – М.: МИД РФ, 2000.

очевидно, что для правящей элиты России такой вариант был неприемлемым. Военные базы не стали переносить из Крыма не из-за дороговизны или других проблем, а потому, что это означало бы поражение России, отступление в глобальном геополитическом конфликте с Западом, а глава государства, принявший решение о переносе военных баз из Севастополя в Новороссийск под давлением внешних сил, навсегда получил бы репутацию пораженца, не способного отстаивать интересы страны.

Таким образом, для России вопрос возвращения Крыма и Севастополя в состав Российского государства с последующим сохранением и наращиванием там военного компонента стал вопросом жизненно важных интересов и обеспечения национальной безопасности, а также укрепления международного имиджа. Политическое руководство РФ, судя по всему, весьма трезво оценивало и риски, и последствия столь серьёзного геополитического шага.

США и ЕС

Для США, вплоть до сегодняшнего дня руководствующихся «геополитическими заветами» МакКиндера, Мэхена, Спайкмена и Кеннена, ограничение геополитического присутствия России в Евразии остаётся ключевой задачей в Восточном полушарии. Инспирирование гражданского конфликта на Украине является операцией уровня геополитической тактики с легко прогнозируемыми последствиями по южно-кавказскому сценарию (по крайней мере, так её оценивала американская администрация). А вхождение Крыма в состав России стало тем последствием, которое США, реализуя жёсткую политику в отношении России в Восточной Европе, никак не могли предвидеть. Единственное, что мог сделать в этой ситуации Вашингтон, – это максимально агрессивно реагировать на уже свершившийся факт «аннексии Крыма Россией» в информационно-коммуникативном пространстве. Так, Вашингтон и Брюссель абсолютно односторонне трактуют обстоятельства воссоединения Крымского полуострова и Севастополя с Россией. Более того, США, ЕС и их союзники намеренно подвергают искажению исторические факты и процессы, продвигают тезис, согласно которому Российское государство не имеет права на признание её интересов в Азово-Черноморском регионе в принципе. Нарочито подчёркивается факт непризнания итогов референдума в Крыму по вопросу о независимости и вхождении в состав России, т.к. его результаты однозначно демонстрируют поражение геополитики США и ЕС в регионе. Агрессивная риторика в отношении России по проблеме Крыма резонирует со штампами и шаблонами, используемыми в риторике аналогичного же характера по проблеме гражданской войны на Юго-Востоке Украины. Бесконечные провокации на линии соприкосновения геополитических сил, которые имеют весьма конкретные очертания, косвенно подтверждают существующее в экспертной среде мнение о том, что «за противоречащими международному праву и нередко внешне нелогичными действиями США на

постсоветском пространстве скрывается стремление намеренно идти на обострение, инициировать конфликт, переведя его в фазу вооружённой борьбы. Этапами включения постсоветских государств в сферу геополитического влияния зарубежных акторов могут выступать: дестабилизация, провоцирование внутреннего конфликта, внешнее вмешательство, перестройка политической системы с учётом собственных политических интересов»[1]. Экс-президент США Б.Обама неоднократно позволял себе негативные и даже оскорбительные высказывания в отношении России и её Президента. Нынешний президент США Д. Трамп, ориентируясь на внутриполитические процессы в стране и собственные установки, использует во многом иную риторику. Однако в действующей редакции Концепции национальной безопасности США Россия и Китай определены главными противниками Соединённых Штатов (примечательно, что по итогам мартовских событий в Крыму и рассмотрения «крымского вопроса на заседании ГА ООН в редакционной статье «Хуанцю шибао» говорилось о том, что «…Китай выступает за многополярный мир, и сильная Россия укладывается в концепцию этого мира. Это куда лучше, чем мир, в котором одна Америка говорит «баста!» и все»[2]).

Подавляющее большинство стран мира вслед за Соединёнными Штатами и Великобританией «выразили озабоченность аннексией Крыма Россией». Антироссийская риторика стран – членов Европейского союза, являющихся членами НАТО и в наибольшей степени оказавшихся вовлечёнными в украинские события, практически ничем не отличалась от американской. Мировые СМИ, подконтрольные американскому и британскому капиталу, с готовностью тиражировали намеренно искажённую и лживую информацию о политике России в отношении Украины, кризиса на юго-востоке Украины и, конечно, о ситуации вокруг Крыма и Севастополя.

Вместе с тем в течение тех 6 лет, что действуют санкции, связанные с «крымским вопросом», полуостров посетило множество делегаций с участием европейских политиков, бизнесменов и общественных деятелей, европейские туристы отдыхают в Крыму. В европейских средствах массовой информации регулярно появляются публикации, в которых ЕС обвиняется в двойных стандартах и звучат призывы к Брюсселю рационально подойти к решению «крымского вопроса» с учётом необходимости восстановления и развития российской-европейских отношений.

Турция

Турция, региональное государство, у которого, в отличие от нерегиональных геополитических игроков, Крым всегда занимал важное место в палитре

[1] Киселев С.Г. Трансформация мировой геополитической модели: последствия для России // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – №2(38). – С. 63.

[2] Цит. по: Кульпин Э.С. Феномен Крыма с позиций социоестественной истории // История и современность. – 2014. – №1. – С. 5.

внешнеполитических устремлений, особенно в контексте Пантюркистского проекта (где особое внимание уделяется крымским татарам), ярым сторонником которого является действующий президент Р.Эрдоган. Коме того, более 5 млн. граждан Турции являются потомками крымских татар, в конце XVIII – первой половине XIX вв. эмигрировавших из Таврии. Это достаточно значимый сегмент турецкого электората, чьи настроения официальная Анкара не может не учитывать. Несмотря на явное сближение с Россией, наметившееся сразу после попытки государственного переворота, инспирированного, по глубокому убеждению местной элиты, Вашингтоном[1], Анкара на официальном уровне оценивает резко негативно возвращение Крыма в состав России. Турция, остающаяся членом Североатлантического альянса, с одной стороны, вынуждена придерживаться его политики и не признавать российскую принадлежность Крыма, с другой стороны, даже в нынешнем Крыму у Турции есть конкретные интересы геополитического свойства. Лишь ограниченный ресурс, имеющийся в распоряжении Анкары, а затем кризисная ситуация на Ближнем Востоке, где вовлечённость Турции по сути на стороне США и НАТО оценивается как весьма высокая, не позволили ей включиться в конкуренцию за Крымский полуостров ещё на стадии роспуска СССР, а потом и в ходе украинского кризиса. В период независимого развития Украины Турция осуществляла на полуострове политику мягкой ассимиляции, прежде всего в культурном ключе. В качестве целевой группы выступали, разумеется, крымские татары. Благодаря последним позиции Турции в Крыму значительно укрепились. На данном этапе Анкара официально заявляет о том, что будет оказывать поддержку в вопросе восстановления суверенитета и территориальной целостности Украины[2]. Примечательно, что на встрече П. Порошенко и Р. Эрдогана в Нью-Йорке в 2016 году присутствовал и М. Джемилёв, лидер запрещённого на территории РФ меджлиса крымско-татарского народа, ранее действовавшего в Крыму и не принявшего российский статус полуострова[3]. Однако необходимо отметить, что до настоящего времени ни одно из турецких официальных лиц не заявляло о правах Турции на Крым поле марта 2014 г. Следует также учитывать, что важным фактором является и заинтересованность Турции в выгодных контрактах и поставках российских вооружений, российского газа, также в значительных потоках туристов из России. В целом «крымский вопрос» позволяет Турции балансировать между интересами России и США.

[1] Вашингтон до сих пор отказывается выдавать Анкаре исламского проповедника Фетхуллаха Гюлена, которого Эрдоган считает главным организатором попытки переворота 15–16 июля 2016 г.

[2] Крымский голос Эрдогана // Газета.ru [Интернет-газета]. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2016/09/25_a_10214633.shtml (дата обращения: 12.03.2020).

[3] Там же.

Резолюции по «крымскому вопросу» ГА ООН

Наиболее ярко позиции ключевых геополитических игроков, региональных держав и стран, не обладающих критическим геополитическим весом, проявляются в ходе голосования по «крымскому вопросу» на Генеральной Ассамблее ООН.

В ходе голосования в ГА ООН 27 марта 2014 г. по Резолюции № 68/262 по результатам плебисцита в Крыму Россию поддержали всего 11 стран. За резолюцию против признания результатов проголосовали 100 государств мира, воздержались – 58 государств. Результаты голосования были весьма показательны – они продемонстрировали, что большинство стран мира, включая все страны так называемого «золотого миллиарда», осуждают российскую политику по отношению к Украине.

В декабре 2017 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию с осуждением «временной оккупации Крыма», внесённую Украиной. Разумеется, Москва назвала неверными формулировки в резолюции. Итоги голосования по резолюции были более чем противоречивыми, но в целом предсказуемыми. 76 государств – членов ООН – воздержались при голосовании (в основном латиноамериканских и африканских). За высказались 70 государств, в том числе США и страны Евросоюза. 26 государств проголосовали против (среди них Китай, Индия, ЮАР, Иран, Сирия, Венесуэла, Куба, Сербия, Армения, Белоруссия, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Боливия и КНДР)[1]. Предыдущая попытка рассмотреть антироссийскую резолюцию на ГА ООН состоялась в ноябре 2017 г., тогда за принятие резолюции проголосовало 71 государство, против – 25.

Примечательно, что Пекин высказался против вынесенной на голосование в декабре 2017 г. резолюции лишь потому, что там шла речь о нарушении прав человека. Но если бы речь шла исключительно об отношении к самой принадлежности Крыма, то Китай, вероятнее всего, воздержался бы от голосования. Такой подход Пекина понятен: любое изменение границ без согласия государства, у которого была раньше юрисдикция над «спорной» территорией, настораживает любую другую страну. Никто не хочет прецедента, опасаясь сепаратизма, имеющего тенденцию распространяться «по принципу домино».

В контексте «крымского вопроса» с учётом стремительно меняющихся политических реалий разумно рассчитывать на то, что со временем позиции стран Запада, представленных в числе постоянных членов ООН, а также тех, кто входит в блок НАТО и их союзников, будут постепенно эволюционировать. Так, у развитых стран Европы и США есть возможность продемонстрировать приверженность демократическим принципам – предмет своей гордости. Но в новых условиях это будет удовлетворять российские интересы. С 2014 года состав национальных парламентов существенно изменился, и эти качественные изменения продолжатся

[1] Резолюция ГА ООН по Крыму выражает мнение меньшинства // Взгляд. 20 декабря 2017.

в том числе как реакция на кризис, связанный с пандемией COVID-19. Воля парламентов европейских стран позволит снять ответственность за введение антироссийских санкций с руководителей этих государств. Выбор народных избранников вполне может стать отправной точкой для разрядки напряжённости вокруг «крымского вопроса», а также в целом в системе отношений России с коллективным Западом.

Заключение

В целом можно отметить, что с 2014 г. юридическая позиция субъектов мировой политики по «крымскому вопросу» не меняется, а российские аргументы по-прежнему совершенно не воспринимаются. Между тем часть стран, идущих в фарватере американской и европейской политики, голосует «против России», а другая часть не считает, что это вопрос сколько-нибудь серьёзных дискуссий, и не желает вмешиваться в спор. В итоге российская интерпретация причин и жизненной необходимости вхождения Крыма и Севастополя в состав России не признана практически никем в мире, включая наших стратегических партнёров по постсоветским интеграционным объединениям (СНГ, ОДКБ, ШОС) и даже второго участника Союзного государства – Беларуси.

Таким образом, уровень и характер вовлечённости каждого из акторов в региональные процессы вокруг Крыма варьируются, равно как и степень прямого или опосредованного участия в геополитическом конфликте по вопросу принадлежности полуострова и военно-морских баз. Во многом исходя из этого формируется позиция каждого из участников геополитического противостояния.

Анализ позиций ключевых геополитических игроков в регионе и в целом мирового сообщества по «крымскому вопросу» показывает, что проблема Крыма не рассматривается адекватно той ситуации, которая в реальности имела место накануне и во время процесса вхождения полуострова в состав России, не учитываются условия и ключевые факторы, заставившие население Крыма высказаться за возвращение в состав Российского государства. Принципиальное значение имеет позиция России по Крыму и Севастополю в контексте её жизненно важных интересов и необходимости обеспечения национальной безопасности по ряду ключевых направлений. Возвращение Крыма с точки зрения практической геополитики означает восстановление сферы геополитического влияния в Азово-Черноморском регионе с выходом на всё Средиземноморье и, соответственно, ограничение сфер влияния геополитических оппонентов России.

Библиография/References:

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 1998.

2. Гетц Э. «Это геополитика, дурачок!» Анализ политики России в отношении Украины // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2016. – Т.9. – Вып.4. – С. 6–16.

3. Киселёв С.Г. Трансформация мировой геополитической модели: последствия для России // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 2 (38). – С. 61–64.

4. Кукурудза И.И. Европейская экономическая интеграция Украины: необходимость и возможные последствия // Вестник экономической науки Украины. – 2015. – № 2. – С. 43–46.

5. Кульпин Э.С. Феномен Крыма с позиций социоестественной истории // История и современность. – 2014. – № 1. – С. 3–15.

6. Никифорова В.А. О некоторых последствиях подписания Соглашения об ассоциации с ЕС для металлургии Украины // Экономика промышленности. – 2013. – № 3 (63). – С. 137–147.

7. Русско-турецкие войны 1676–1918 / Под общ. ред. А.Е. Тараса. – М., 2000.

8. Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. – М.: Эксмо, 2002.

9. Харитонова Н.И. Возможные последствия подписания соглашения об ассоциации Республики Молдова с Европейским союзом // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – № 43. – С.39–54.

10. Харитонова Н.И. Специфика переговорного процесса по политическому урегулированию приднестровского конфликта в контексте украинского кризиса (2014–2018 гг.) // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – Т. 14. – № 2. – С. 85–99.

11. Эйвазов Дж. Россия в Центральной Евразии: интересы безопасности и геополитическая активность // Кавказ и глобализация. – 2009. – Т.3. – № 1. – С. 11–24.

1. Bzhezinskii, Z. (1998) Velikaia shakhmatnaia doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy [Great Chessboard. The dominance of America and its geostrategic imperatives]. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russ.)

2. Getts, E. (2016) «Eto geopolitika, durachok!» Analiz politiki Rossii v otnoshenii Ukrainy [It's geopolitics, stupid: explaining Russia's Ukraine policy] // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, parvo [Outlines of global transformations: politics, economics, law]. – T.9. – Vyp.4. – P. 6–16. (In Russ.)

3. Kiselev, S.G. (2015) Transformatsiia mirovoi geopoliticheskoi modeli: posledstviia dlia Rossii [Transformation of the global geopolitical model: implications for Russia] // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian journal of social sciences]. – № 2 (38). – P. 61–64. (In Russ.)

4. Kukurudza, I.I. (2015) Evropeiskaia ekonomicheskaia integratsiia Ukrainy: neobkhodimost' i vozmozhnye posledstviia [European economic integration of Ukraine:

necessity and possible consequences] // Vestnik ekonomicheskoi nauki Ukrainy [Bulletin of the economic science of Ukraine]. – № 2. – P. 43–46. (In Ukr.)

5. Kul'pin, E.S. (2014) Fenomen Kryma s pozitsii sotsioestestvennoi istorii [The phenomenon of Crimea from the standpoint of societal history] // Istoriia i sovremennost' [History and Modernity]. – № 1. – P. 3–15. (In Russ.)

6. Nikiforova, V.A. (2013) O nekotorykh posledstviiakh podpisaniia Soglasheniia ob assotsiatsii s ES dlia metallurgii Ukrainy [About some consequences of signing the Association Agreement with the EU for the metallurgy of Ukraine] // Ekonomika promyshlennosti [Industrial Economics]. – № 3 (63). – P. 137–147. (In Ukr.)

7. Russko-turetskie voiny 1676–1918 [Russian-Turkish war 1676–1918] / Pod obshch. red. A.E. Tarasa. – M., 2000. (In Russ.)

8. Utkin, A.I. (2002) Mirovoi poriadok XXI veka [World order of the XXI century]. – M.: Eksmo. (In Russ.)

9. Kharitonova, N.I. (2014) Vozmozhnye posledstviia podpisaniia soglasheniia ob assotsiatsii Respubliki Moldova s Evropeiskim soiuzom [Possible consequences of signing an association agreement between the Republic of Moldova and the European Union] // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik [E-journal. Public Administration]. – № 43. – P. 39–54. (In Russ.)

10.Kharitonova, N.I. (2019) Spetsifika peregovornogo protsessa po politicheskomu uregulirovaniiu pridnestrovskogo konflikta v kontekste ukrainskogo krizisa (2014–2018 gg.) [Specificsof the negotiation process on political settlement of the transnistrian conflict in the context of the Ukrainian crisis (2014–2018)] // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian journal of social sciences]. – T. 14. – № 2. – P. 85–99. (In Russ.)

11.Eivazov, Dzh. (2009) Rossiia v Tsentral'noi Evrazii: interesy bezopasnosti i geopoliticheskaia aktivnost' [Russia in Central Eurasia: security interests and geopolitical activity] // Kavkaz i globalizatsiia [The Caucasus and Globalization]. – T.3. – № 1. – P. 11–24. (In Russ.)